

1.

«**А** мы, Димочка, пельмешки лепим, чтобы завтра в твою пасть поганую отправлять», — так шутил дедушка, уже тогда пожилой человек с какой-то избыточно сложной судьбой. Над кухонным столом висели лики Христа и Богородицы, вырезанные из журналов по домоводству. Рядом были приколплены астрологические календари для владельцев шести соток. В зависимости от того, росла луна или убывала, там предлагалось высаживать или прореживать. Семена помидор «де барао» и «ракета» ждали того дня, когда пакеты из-под молока и кефира наполнят землей и начнется подготовка рассады к сезону.

В семь утра в белой алюминиевой кастрюльке закипала вода и слепленные вечером пельмени кидали в нее. Я и по сию пору могу поглощать их в почти неограниченных количествах. И привычка

эта появилась у меня именно тогда. Пельмени в моих личных кулинарных чартах стояли вровень с малиновым и смородиновым вареньем. Наверное, это был первый опыт столкновения с зависимостью. Я не нуждался ни в сметане, ни в уксусе. Только во внимании моих остроумных родственников, не забывающих рассказать, по каким телефонам я должен звонить, если мама будет меня бить.

А она почему-то не била. На улице царил январь. Огромный дом, прозванный гопотой Пентагоном, постепенно просыпался и зажигал свои огни. Жизнь не то что представлялась длинной, а не осмысливалась вообще, как и происходящее вокруг. Темнота была холодной и плотной, а я спешил на природоведение, предьявлять дневник наблюдений за снегом, сосульками, деревьями и выдыхаемым паром.

2.

Есть у Набокова один персонаж. Свою жизнь он представлял себе весьма небанально. Мол, в детстве он залез в картиную с лесной дорогой и с тех пор по ней идет. Вот я также проник на экран «Рекорда» с подключенной «Денди». Стреляю из руки по жукам и черепахам. А в конце каждого уровня — утюг-мутант, прыгающий до небес.

«Денди» заменяла еду, воду и даже кислород. В последнем было легко убедиться, когда в комнату хрущевки набивалось восемь и более рыл. Летняя жара и дышать совсем нечем, но прохождение Контры нельзя прервать ни на минуту. Во всех квартирах, где мы собирались, интерьеры не отличались никак. Секретеры, гладильные доски, диваны со стопками книг вместо ножек. А нам по барабану и пистолету, потому что Марио, танчики и все остальное.

За картридж легко могли побить, поймав в подъезде. Покупка нового была главным праздником года, куда там дню рождения. Все контакты выстраивались в зависимости от того, насколько богатой коллекцией картриджей обладает тот или иной человек. Помню, я однажды зашел в гости к случайному знакомому ме-

няться и попал на его ДР. Со словами: «Да ты только из-за картриджей с Серёгой дружишь» — меня выгнали. А еще существовал компьютерный зал на стадионе «Локомотив», где были только топовые игры. Вот там и деньги отнимали, и по карманам шарили, и чего только не... Но все равно всегда был аншлаг и все забито.

И до чего же все-таки прекрасно, что у нас есть Интернет. С его помощью у каждого, родившегося во второй половине 80-х, есть возможность вновь обрести себя, встать на правильную тропу, осознать свою цельность. Ведь в нем есть онлайн-эмуляторы, а в них — все, что нужно развитому человеку. То есть решительно все: черепашки-ниндзя, Черный Плащ, дядя Скруджд со своей тростью, кот Феликс, Чип и Дейл и прочие, прочие.

3.

Чердаки сельскохозяйственного института жили своей, непонятной обывателю, жизнью. Профану было неведомо, зачем нужно столько колб всех возможных форм и размеров, где применяются эти гигантские географические карты и что делать со стендами фотографий знаменитых агрономов. Пыльное царство с дворцами-шкафами раскрывало свои тайны отнюдь не каждому.

Но мы хорошо знали, что не нужно ждать милостей от природы, наша задача — взять их. И поэтому лазили туда воровать эти самые колбы. Цель была сугубо благородная — расширение домашней лаборатории Вани Ужакина, ныне вольного авантюриста и врача-полярника, а тогда просто пацана, который знал химию не просто лучше всех в своей школе, а наверное, во всем городе — в своей, разумеется, возрастной категории. Самый крутой момент наступал, когда надо было делать безучастное каменное лицо, пронося мимо вахтеров колбы под кофтой.

Наш боевой отряд юных химиков инспектировал все точки на районе, могущие представлять для нас интерес. Так мы и спалили какую-то лабораторию на стройке, ведущейся впритык к корпусу «Л» Алтайского Богоспасаемого Университета. Просто

банка с горячей жидкостью выпала из чьих-то корявых слабеньких ручинок. Кажется, это был первый раз, когда я бежал по-настоящему быстро. И до сих пор бегу, в каком-то смысле.

4.

В своей шизофреничности девяностые были все-таки, наверное, абсолютно неповторимым временем. Учащиеся младших классов ощущали это на себе в той же мере, как и все остальные. В страшной моде были соционика и валеология; главный школьный вундеркинд рассказывал о контактах с инопланетянами; а на уроках пения мы занимались исключительно тем, что распевали слово «аум» — пожилая и блаженная учительница, как я понимаю, попала в сети Секо Асахары, который тогда еще никого заринном не травил. Ну и конечно, как забыть этот урок биологии, когда учительница заставила спорить весь класс на тему, есть ли Бог. Двадцать девять восьмилетних верующих кидались на одного меня с возгласами: «Ну а кто тогда все это создал? Ты серьезно считаешь, что все возникло само собой?» А я затравленно отбивался — нужно мыслить логически! Рационально! Двадцатый век кончается!

Кто-то из них теперь преподаватель китайского, кто-то растаман и фрилансер, кто-то программист на Кипре, есть даже один старший следователь прокуратуры. А я сижу и читаю в телефоне Евангелие от Марка.